

МЕСТО И РОЛЬ ПОЭЗИИ В ВОИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЯПОНИИ

В статье рассматриваются место и роль поэзии в культуре японских самураев. В статье представлены основные этапы развития поэзии от ритуальных песен, связанных с мифологией Синто, до буддийской и светской поэзии воинов. Рассмотрены характерные для воинской культуры жанры: дзисэй и дока. Также в статье затронута тема отношения к поэзии со стороны различных военачальников и идеологов бусидо, роли поэзии в воспитании и ее места в жизни японского воина.

Ключевые слова: поэзия, Япония, самурай, воин, жизнь, смерть, экзистенция, воинская культура.

A.E.Lestev THE PLACE AND THE ROLE OF POETRY IN JAPANESE WARRIORS' CULTURE

This article examines the place and role of poetry in the culture of the Japanese samurai. The article presents the main stages of the development of poetry from the ritual songs associated with the mythology of Shinto, to Buddhist and secular poetry of warriors. The characteristic for the military culture genres jisey and doka were described. The article also touched upon the relationship of poetry by various military leaders and ideologists of bushido, the role of poetry in education and its place in the life of a Japanese warrior

Keywords: poetry, Japan, samurai, warrior, life, death, existence, military culture.

Поэзия является одним из наиболее изучаемых и волнующих душу западного исследователя явлений японской культуры. Поэзия выступает в качестве формы выражения собственного Я, своих человеческих чувств, переживаний, способа осмысления собственной жизни, продолжения жизни в её культурной составляющей, постулирования себя как человека уникальной культуры – культуры воинов.

Культура – это «третий дом» бытия человека, культура как совокупность материальных и духовных ценностей призвана «очеловечивать» человека. Критерием же «человеческого в человеке» согласно Э. Фромму является соотношение жизни и смерти [15, с.23]. В этом смысле поверхностный взгляд на воинскую культуру постулирует её отсутствие или даже невозможность в силу того, что профессия воина связана со смертью. При более внимательном подходе мы увидим, что воины как раз намного острее чувствуют соотношение жизни и смерти в каждом моменте и защищают жизнь как особую форму бытия мироздания.

Именно на примере поэзии мы можем увидеть стремление воинской культуры преодолеть смерть, сделать выбор в пользу жизни. Человеческая жизнь в отличие от жизни вообще наполнена социокультурным и гуманитарным содержанием [16], поэтому жизнь человека не всегда кончается с биологической смертью, человек живет в памяти людей (отсюда стремление воина прославить свое имя, сохранить честь и достоинство, передать свое имя своим потомкам) и в своих произведениях (отсюда влечение воинов к поэзии и литературе). В произведениях мастеров боевых искусств мы найдем целые главы посвященные проблеме осмысления пути воина и его предназначения, концепции «меча, дарующего жизнь», развитие этой концепции привело к созданию японским мастером Уэсиба Морихэем «искусства мира и гармонии», как иногда называют айкидо, или же к концепции юрису будо – пути признания, приятия и прощения [18, с.13], разработанном учителем Нисио Сёдзи. Некрофилия чужда воинской культуре, в ней нет никакого болезненного стремления к смерти, а лишь попытка выйти за грань смерти, отказаться от страха смерти посредством совершенно особого подхода к решению проблем экзистенциальных детерминаций человека, среди которых главная – проблема смысла жизни [17, с.131]. Ярчайшим доказательством этому служат стихотворения, которые писались перед обрядом сэппуку (ритуальное самоубийство). Несмотря на то, что сэппуку по форме является самоубийством, по сути, ему предшествует смерть социальная [10, с.661] или же приказ господина, наказывающий самурая за проступок. При этом и сам ритуал, спасающий честь и имя воина от позора, и стихотворение, сохраняющее его мысли, переживания, идеи, это все шаги к продолжению жизни перед лицом неминуемой биологической смерти. Отношение японских воинов к смерти соответствует таковому в стоическом сознании, где «смерть имеет нравственное начало как последнее испытание человека на человеческое достоинство и благородство, испытание его душевной стойкости» [17, с.135].

В соответствии с традиционным развитием мировоззрения человека от архаического к современному неоклассическому типу менялась также и поэзия: от архаических ритуальных песнопений к стихотворениям, наполненным философским содержанием. Поэзия в данном случае

является отражением развития всей воинской культуры, где классические боевые искусства на современном этапе служат лишь для саморазвития и самопознания человека.

Первое японское танка появилось еще в IV в., однако расцвета искусство стихосложения достигло к VII–VIII вв. [21, с.25]. Изначально японская поэзия – это поэзия высшего сословия аристократов, придворных императорского двора. По этой причине академик Н.И.Конрад называл японскую поэзию «куртуазной» [1, с.12], из-за её придворного происхождения с характерным для высшего общества гипертрофированным культом чувствительности, изысканностью языка и стиля, а также лиричностью. Среди значительнейших антологий японской поэзии того периода следует отметить Манъёсю («Собрание мириад листьев», 759 г.), «Кокинсю» («Кокинвакасю» - «Собрание старых и новых песен Японии», 905 г.) и «Синкокинсю» («Синкокинвакасю» - «Новое собрание старых и новых песен Японии», 1203 г.). «Синкокинсю» была составлена уже после войны между воинскими кланами Тайра и Минамото (Война Гэмпэй) 1180–1185 гг., в результате которой император и вся дворцовая аристократия окончательно потеряли власть, а в Японии установилось первое самурайское правительство во главе с родом Минамото – Сёгунат Камакура.

Истоки японской поэзии, как и многих других явлений японской культуры, лежат в мифологических временах. Самой древней танка согласно «Кодзики» является песня Великого Бога Хая-Суса-но-о-но микото по поводу возведения брачных покоев над местностью Суга [14, с.102]. Однако в предисловии к «Синкокинсю», написанном первым министром-канцлером Фудзивара Ёсицунэ, сказано: «Песни Ямато зародились еще в старину, когда только появились небо и земля и когда не установились еще дела человеческие. И, как «листья-слова» Страны срединной камышовой равнины», ведут они свое начало от Инада-химэ из селения Суга» [25, с.40]. Инада-химэ – это и есть дева спасенная богом Суса-но-о от восьмиглавого змея Ямата-но ороты, для сочетания браком с которой и возводил покои Суса-но-о. Так или иначе, это указывает на ритуальный характер поэзии в древние времена.

Ритуальные песни являлись частью религиозных ритуалов, уходящих корнями в шаманские традиции. Ритуальность многих литературных памятников Японии не раз подчеркивалась исследователями. Среди таких памятников императорские указы – сэммё, которые, наряду с обращенными к богам молитвословиями норито и китайскими указами тёкуси, согласно поэтической концепции литературоведа и мифолога Оригути Синобу, были текстами одного порядка, чья ритуальная функция заключалась в изречении воли небесных богов [6, с.66]. Известный российский японист Людмила Михайловна Ермакова сообщает, что сэммё и норито, «видимо, исполнялись в определённом музыкальном ключе, разные авторы упоминают о сохранившихся в некоторых храмах партитурах отдельных сэммё» [6, с.67]. Характерно, что исследователями подчеркивается близость сэммё к фольклорно-песенной поэзии и становящейся литературе, независимо от того, что императорские указы были юридическими документами. Наибольшую близость к песням поэтической антологии «Манъёсю» обнаруживают сэммё, являвшиеся «частью обрядовых текстов, исполняемых в ритуале восшествия на престол» [6, с.76]. Доктор Ермакова подробно рассматривает параллели между сэммё и песнями нагаута и танка, содержащимися в «Манъёсю», заключающиеся в общих лексических и фразеологических совпадениях, некоторые песни из «Манъёсю» написаны по мотивам императорских указов [6, с.77]. Для нашей темы важно понимание тесной связи древнеяпонской поэзии с ритуальными песнями и молитвословиями.

В этом смысле происхождение японской поэзии не уникально, таким же образом развивалась и древнегреческая поэзия от гимнов богам к любовной и исторической тематике. Истоки поэзии проясняют и то значение, которое она играла в японской культуре, сохраняя близость к ритуалу и сакральному действию. Всемирно известный французский антрополог Клод Леви-Стросс во время пребывания в Японии посетил острова Рюкю, где сумел познакомиться с местными культурами, которые, по его мнению, содержат «общий для всей Японии культурный пласт, предшествующий формированию основ синто» [9, с.81]. На острове Ихэя-дзима Леви-Строссу удалось посетить репетицию сакральных песнопений, исполнителями которых были обычные местные жители – рыбаки и крестьяне [9, с.88]. На этом примере мы видим, что в древней Японии участие в некоторых сакральных церемониях могли принимать не только представители жреческой касты, но и другие члены общества, в том числе и воины. Также существовали определенные ритуалы и культы, характерные для людей определенного рода деятельности, среди них ярко выделяются воинские культы, посвященные богам Такэмикадзути-

но микото и Фуцунуси-но микото. В своих работах я уже поднимал тему наличия шаманской традиции в японской воинской культуре [11]. Поэтому один из истоков поэзии характерной для японской воинской культуры лежит в сакральных песнях религиозных культов и шаманских ритуалах, направленных на достижение связи с божествами и получении божественного откровения, защиты или помощи.

Героем японского эпоса, тесно связанным с шаманской традицией воинской культуры, является Ямато-такэру, сын императора Кэйко. Известный русский исследователь Алексей Горбылев усматривает в описании и поведении Ямато-такэру характерные для шаманской традиции черты боевого бешенства и необузданного характера воина: «В предании о Ямато-такэру мы видим тот же ряд событий, что и в мифе о Суса-но-о: проявление необузданной ярости и огромной силы, потом изгнание героя и использование его возможностей в войне» [3, с.610]. Изгнанный из дома за убийство брата Ямато-такэру отправляется усмирять страну, в ходе своих походов он расправляется с подобными ему воинами – братьями Кумасо-такэру и Идзумо-такэру, заклинает и умиряет непокорных богов, а впоследствии погибает, отравленный враждебным богом, явившемся ему в виде белого кабана [3, с.610]. В «Кодзики» история Ямато-такэру снабжена большим количеством песен, которые принц пел по разным поводам. Среди песен есть песня-насмешка, подобная победным песням воинов Кумэ [8, с.127], которую Ямато-такэру спел по случаю победы над Идзумо-такэру: «Взялись они за свои мечи, чтобы их вынуть, но Идзумо-такэру не удалось вытащить свой поддельный. Тогда Яматотакэру-но микото выхватил свой меч и зарубил Идзумо-такэру. И такую песню спел:

Меч, что носит у пояса
Идзумо-такэру из Идзумо,
Где восьмислойные облака встают!
Много плюща вокруг него обвилось,
А лезвия-то нет!» [8, с. 70].

Среди песен спетых Ямато-такэру были: 1) хвалебная песнь, исполнявшаяся в ритуале «любование страной», при помощи этого ритуала император умиротворял земных духов и предотвращал возможный хаос [8, с.129]; 2) песня благопожелания, исполнявшаяся в ритуальной ситуации пожилым человеком в адрес молодых мужчин с целью принести им здоровье и долголетие [8, с. 130]; 3) песня грусти. Перед смертью Ямато-такэру спел:

«О, тот меч!
Меч,
Что оставил я
У ложа
Девы... -
Так он запел и вдруг скончался» [8, с. 76].

Меч, о котором пел Ямато-такэру – это меч Кусанаги, который бог Суса-но-о-но микото добыл из убитого им змея Ямато-но ороги и который достался впоследствии Ямато-такэру. В данной песне Ямато-такэру сожалеет, что рядом с ним нет его меча, который обладал магическими свойствами и который, возможно, помог бы ему избежать смерти. Интересно, что преемственность Ямато-такэру от богов Такэмикадзути-но микото и Фуцунуси-но микото выражалась не только в продолжении усмирения страны, но и отмечена в старейшей сводной работе по истории воинских искусств «Хонтё бугэй сёдэн» («Краткие биографии [мастеров] воинских искусств Японии», 1716 г.) преемственностью в воинских искусствах: «Искусство боя мечом начинается с божественного искусства, [явленного] богами Такэмикадзути-но микото и Фуцунуси-но микото... Ямато-такэру-но микото... передал [потомкам] это божественное искусство...» [3, с.610].

Из шаманской традиции и сакральных ритуалов инициации, скорее всего, ведет свое происхождение японская традиция тайной передачи знания. Такая передача в большинстве случаев была устной (кудэн). В трактате «Записи об истинном ниндзюцу» («Сёнинки») Фудзиноиссуйси Масатакэ, написанном в 1681 году в описании способа проникновения в мысли человека и выведывания необходимой информации приводится стихотворение:

«Уверенный в своем превосходстве,
Он открывает дверь на рассвете,
Но в миг, когда открывается дверь,
Свет Луны попадает внутрь» [27, с. 139],

которое иллюстрирует, что при помощи таких стихотворений могло передаваться и определенное зашифрованное знание.

Вторым, более существенным, источником проникновения поэзии в воинскую культуру стал буддизм. Именно благодаря буддистским монахам и учителям поэзия, до этого культивировавшаяся придворной аристократией, начала проникать в самурайское сословие.

Для того чтобы понять причину по которой буддизм оказал огромное влияние на распространение поэзии в Японии, в частности среди воинов, достаточно будет обозначить два фактора. Во-первых, буддистские монастыри были центрами учености, сюда приезжали учителя из Китая, которые привозили с собой китайские сочинения; свои проповеди и рассказы о буддизме мастера часто подкрепляли примерами из поэзии. Во-вторых, в поэзии аристократических кругов были распространены буддистские мотивы о бренности всего сущего, сочинение подобных стихотворений было своеобразным признаком хорошего тона, также существовала практика отстранения императора от власти путем его пострига в монахи. Уход от мирских дел и постриг в монахи представителей высшей аристократии обогащал мир буддистской поэзии утонченными и отточенными произведениями, с которыми благодаря буддистским монастырям и учителям могли знакомиться и представители воинской элиты.

Среди таких монахов-поэтов был и великий Сайгё. Про Сайгё Вера Маркова сообщает, что он принадлежал к знатному воинскому роду Сато, а мать Сайгё происходила из рода Минамото, в результате чего семья поэта была связана как с военными феодалами, так и со старой придворной аристократией [12, с. 11]. В юности Сайгё занимал церемониально-декоративную должность в гвардии, охранявшей императорский дворец. Среди стихотворений Сайгё есть и стихотворения на воинскую тему:

«Меч при жизни любил...
Гонят теперь взбираться
По веткам Древа мечей.
Заграды рогатые копыя,
Щетинья, впииваются в грудь»

(Пер. В. Марковой) [22, с. 238].

«Клинком закаленным
Меча с когтями железными,
Не зная пощады,
Тело разрубят наискось,
Кромсают... Какая скорбь!»

(Пер. В.Марковой) [22, с.239].

Сайге застал при своей жизни войну между воинскими родами Тайра и Минамото, закончившеюся разгромом Тайра. У Сайгё из рода Тайра было много друзей и знакомых, под впечатлением от смерти которых он сочинил стихотворения, представив как через горы Сидэ-но яма («ведущие в смерть»), являвшиеся по одному из поверий путем в потусторонний мир, идут несметные полчища убиенных воинов:

«По всей стране воины встают на брань, и нет такого места, будь то на западе или востоке, на севере или юге, где не шли бы сражения. Страшно слышать, какое множество людей погибает! Даже не верится, что это правда. Увы! Из-за чего же возгорелась распря? Бедственные времена! – помыслил я.

Сидэ-но яма.

Идут несметные полчища

Через Горы смерти.

И все не видно конца!

Растет число убиенных...»

(Пер. В. Марковой) [22, с. 261].

«Ныне одни лишь воины толпами движутся в запредельную страну мертвых через Сидэ-но яма. Им незачем страшиться горных разбойников. Великое утешение, случись это в нашем мире! Довелось мне слышать, как воины переплавляются через реку на плоту из боевых коней, - кажется, то было в битве на реке Удзи. Вспомнив это, сложил я:

Как разлилась широко

Река в горах Сидэ-но яма.

Там воины тонули,

И даже плот из боевых коней

Их донести до берега не мог»

(Пер. В. Марковой) [22, с. 262].

Японии знакомство с дзэн произошло еще в VII в., но подлинный расцвет дзэн начался только с приходом к власти воинского сословия и учреждением сёгуната Камакура, а также с деятельностью Эйсаю – учителя дзэн. Сёгуны и генерал-регенты периода Ходзё (1205 – 1332 гг.) приглашали известных учителей со всех концов страны и из Китая, строили большое количество храмов и сами были последователями дзэн. Среди последователей дзэн был генерал-регент Токиёри, который получил просветление под руководством Догэна и, приняв монашеский постриг, продолжал управлять страной. Токиёри вел простую жизнь и окончил свои дни, сидя скрестив спокойно ноги. Стихотворения Токиёри отражают образ его жизни и мыслей:

«Выше берегов течет ручеек,
Зеленее мха травка растет.
Никто не стучится в мой скромный домик на горе,
Но дверь сама открывается на стук ветра» [20, с.57].

«Тридцать семь лет
Зеркало кармы было высоко;
Сейчас я разбиваю его на мелкие кусочки,
Совсем рядом – Великий Путь» [20, с.57].

Дзэн и воинская культура перевели разговоры о бренности всего сущего (доктрина мудзё – идея бренности и непрочности всего сущего) на новый уровень. Для аристократов такие рассуждения были всего лишь игрой, некоей утонченностью в духе буддизма, показные вздохи придворной знати о бренности мира зачастую выглядят неискренне и отдают снобизмом. Например, подобные патетические восклицания могли быть высказаны по случаю окончания любовного романа или отцветшей сакуры. Самураи же ощущали бренность окружающего мира в постоянных боях. Дзэнское отрицание привязанности к миру, к вещам, к жизни у самураев нашло живой отклик. Тема легкости расставания с жизнью, презрения к смерти и ощущения ее неизбежности становится одной из ключевых тем воинской поэзии.

Эпоха Воюющих царств дала японской истории огромное количество известных полководцев и военачальников. Среди них Уэсуги Кэнсин и Такеда Сингэн, которых объединяла их приверженность дзэн. В разгар одного из боев в ставку Сингэна ворвался всадник и, наставив на него меч, спросил: «Как ты поступишь в таком положении и в такое время?», Сингэн за неимением времени выхватить меч отразил удар сковородой, ответив: «Снежинка в раскаленной печи!» [20, с.62]. Как выяснилось всадником, атаковавшим Сингэна, был сам Уэсуги Кэнсин, а их диалог есть блестящий пример разговора в духе дзэн. Сато Хироаки приводит в своей книге стихотворение, которое Кэнсин сложил в честь захвата замка Ното:

«В лагере холодно, осенний воздух свеж.
Чередой пролетают гуси, полночная светит луна.
Горы Этиго, теперь вот взята Ното.
Все равно: возвращаясь домой, люди помнят о походе» [23, с.252].

Другое стихотворение Кэнсина можно отнести к особому жанру дзисэй. Дзисэй представляют собой танка и хайкай, написанные самураями или по их заказу известными поэтами для ритуала сэппуку (харакири), также к дзисэй относят стихотворения, в которых поэт пишет о грядущей смерти. Кэнсин оставил такое стихотворение:

«Ни раем, ни адом
Меня уже не смутить,
И в лунном сиянье
Стою непоколебим, -
Ни облачка на душе...» [5, с. 194].

Про другого известного полководца той эпохи Ода Нобунага существует история, в которой к нему явились с подарками мастера рэнга Сёха и Сёсицу Синдзэн, Сёха преподнес Нобунага на подносе два развернутых веера и произнёс:

Два веера в ваших руках, и все исполнены радости.

Господин Нобунага продолжил:

С ними будут танцевать и играть тысячи поколений!

Узнав об этом, жители Киото, старые и молодые, были так потрясены, что не могли вымолвить и слова. «Господин – такой жестокий воин, что мы думали – он будет вести себя так, как Кисо, который вошел в Киото в эпоху Дзюэй. Но он оказался необычайно галантным, не так ли? От него можно ожидать добрых дел». Так, возликовав, говорили люди, и вздыхали с облегчением» [23, с.264].

В этом отрывке мы уже видим, как искусство складывать стихи становится признаком образованности воинов и новой воинской аристократии.

Таким образом, к началу эпохи Токугава (1603–1867 года) были заложены два основных направления поэзии, характерных для воинской культуры Японии – это дзисэй и дока.

Наибольшее количество дзисэй связано с известной историей о 47 ронинах из Ако, отомстивших за своего господина и совершивших сэппуку. Среди авторов стихотворений был Оиси Кураносукэ Ёсио (Обоси Юраносукэ Ёсио), который возглавил отряд ронинов, собравшихся для мести.

Стихотворение Оиси:

«Радость!
Грусть исчезает:
Отринув жизнь, обращаюсь в облако,

Скользящее тенью
Рядом с луной» [4, с.76].

Однако войны не всегда писали стихотворения сами, многие прибегали к услугам известных поэтов, если считали, что сами недостаточно искусны в поэзии. Так Оиси и его шестнадцатилетний сын заказали Иппицуану написать для них стихотворения перед их сэппуку:

Стихотворение Иппицуана написанное для Обоси Юраносукэ Ёсио:	Стихотворение Иппицуана написанное для Обоси Рикия Ёсиканэ:
«Тысячи гор не заменят жизнь господина. Волос тончайший значительней Жизни моей» [4, с. 68].	«Прощайте! Жизнь оставляя, Любуюсь снегом» [4, с. 82].

На этих примерах видно, что главным характерным для поэзии дзисэй признаком является тема смерти, а также легкое, бесстрашное или безразличное отношение к ней.

Восхищаясь историей о 47 ронинах (иногда говорят о 46 ронинах) и их бесстрашии Хаяси Нобуацу (известный ученый-конфуцианец), занимавший при сёгунате Токугава пост первого дайгаку но ками (главного смотрителя ученого ведомства), написал стихотворение в китайском стиле:

«Ворвавшись в ворота, они превзошли Цзин Кэ.
Холодный ветер над Ишуй и сердце храброго воина.
Немые от угля и обезображенные, они походили на Юй Жана.
С песней о преданности они в слезах несли Тянь Хэна.
Искренность пронизывает солнце, чего ж сожалеть о смерти?
Справедливые сердца сокрушают горы, жизнь не имеет значения.
Сорок шесть воинов последовали за мечом,
Они утвердили верность,
но что до этого дела небесному божеству?» [23, с.349].

Другая тема характерная для дзисэй – тема преданности своему господину. Сэппуку часто служило выражением преданности вассала своему господину, далеко не всем воинам разрешалось делать сэппуку в случае смерти господина, тот же, кому такое разрешение было дано, и кто на это решился, мог быть уверен, что его семья и наследники будут вознаграждены за его поступок. Примером может послужить история Цусаки Госкэ, который служил псарем в доме военачальника третьего ранга сёгунской гвардии Хосокава Тадатоси. Цусаки Госкэ получал содержание на двоих и жалованье шесть коку, после совершенного по разрешению господина и после его смерти сэппуку семья Цусаки Госкэ получила участок земли, новый дом и содержание на пятерых, а его племянник получил такую же должность псаля. Стихотворение Цусаки Госкэ – это выражение бесстрашной решимости совершить сэппуку и последовать за господином:

«Мне говорили
Знатные воины:
Можешь остаться,
Но не таков Госкэ,
Его не заставишь остаться!» [4, с.42].

Дока или «песни пути» - это стихотворения, написанные мастерами боевых искусств для описания «пути воина», будо, просветления, сути боевого искусства, философии. Стихотворения *дока*, безусловно, являются составляющей дзэнской поэзии, которая приобрела своеобразные черты характерные для воинской культуры, а именно тему саморазвития и самосовершенствования на пути боевых искусств. Множество дока сочинил Ямаока Тэссю, также известным автором таких стихотворений является основатель айкидо Уэсиба Морихэй.

Тэссю известен как политический деятель эпохи Мэйдзи (1868-1911 года), каллиграф, мастер фехтования и основатель школы муто-рю. Тэссю был последователем дзэн-буддизма, что отразилось на его искусстве каллиграфии, фехтования и стихосложения. Часть стихотворений Тэссю написаны на общие темы, например, про гору Фудзи, а часть является великолепными образчиками поэзии дока, посвященной постижению пути Будды и очищению сознания, в том числе и при помощи практики боевых искусств.

«Десять тысяч приемов
Не помогут тебе,
Если руки не будут
Продолжением
Твоего сознания» [26, с. 226].

«Искусство меча:
Не получив тычка,
Не нанеся удара,
Не встретив препятствий, я вглубь проникаю
И достигаю предела» [26, с. 82].

Подобные стихотворения являются отражением философских взглядов мастеров и составляющей их учения, которое они несли своим ученикам.

Другим известным автором стихотворений о пути боевых искусств является основатель айкидо Уэсиба Морихэй (1883-1969 года). Морихэй в отличие от Тэссю был последователем синкретического учения Омото-кё, сочетающего в себе элементы буддизма, традиционного шаманизма и мифологии синто. Айкидо для мастера Уэсиба не было просто боевым искусством, оно было его путем достижения и соприкосновения с божественным. Уэсиба писал: «Айкидо – меч Сусаноо, тело Ки» [2, с. 62]. Идея айкидо мастера Уэсиба – это продолжение идеи божественного искусства, переданного богами: «Айкидо – это действие вселенской гармонии, выраженное через тело человека» [2, с.30]. Эта же идея находит свое отражение и в поэзии Уэсиба:

«Соприкоснувшись с истинным сердцем [макото], Тренируйся и углубляй свое понимание его. Настойчиво стремись к единству этого мира и мира грядущего. Айкидо, вся сила, приведенная в движение, чтобы создать Мир красоты, благородства и безмятежности» [2, с.30].	«Доверяя все потоку божественного небесного Сознания, дыханию неба и земли; Истинный человек, полностью реализующий сознание Бога» [2, с.31].
---	--

Идея боевого искусства как искусства мира у Уэсибы становится главной идеей его учения и основой его философии, что выражено и в трактовке пути воина:

«Нельзя описать Путь воина словами И в тексте постичь: Проникни в самую суть И воплоти его в жизнь» [30, р. 54] (Пер. А. Лестев).	«Защитник мира, Страж пути богов и Будд Готов ко всему. Ты, овладев искусством, Достоинно встретишь вызов!» [30, р. 84] (Пер. А.Лестев).
--	---

Таким образом, выше на конкретных примерах мы рассмотрели образцы воинской поэзии от мифологических времен вплоть до 20-го века. Мы увидели, что поэзия сопровождала воина на протяжении всей японской истории, став важной составляющей воинской культуры Японии.

Японские теоретики в области поэзии отмечают, что главными составляющими поэзии являются кокоро – душа и сугата – форма, что представляет собой замысел и речевое воплощение, язык стихотворения [13, с.153]. Иногда можно встретить пренебрежительное отношение к воинской поэзии из-за не всегда отточенного стиля или выбранной темы. Но воин никогда и не стремился соперничать с поэтом на ниве поэзии или переплюнуть его в этом искусстве. Известный поэт и исследователь литературы Масаока Сики, рассуждая о критериях красоты в поэзии, писал: «Критерий и мера красоты определяются чувствами каждого человека. А потому критерии красоты у всех разны и индивидуальны» и далее: «изначально predetermined критерий красоты не имеет никакого отношения к критериям индивидуальным» [13, с.150]. Это справедливо, особенно если мы учтем, что воинская поэзия всегда будет ближе воину, чем представителю другого сословия, а тема и замысел стихотворения будет трогать чувства воина и обращаться к его индивидуальным критериям красоты.

От рассмотрения примеров воинской поэзии, ее тем и стилей мы должны перейти к другому важному моменту – отношению к поэзии в воинской культуре, которое не всегда было однозначным. Различные наставления японских военачальников и самураев, которые объединяют под общим названием «Кодекс бусидо» часто совершенно противоположно рассуждают о пользе или вреде поэзии.

Об отношении к поэзии автора самого известного произведения «Хагакурэ» («Сокрытое в листе») Ямамото Цунэтомо ярче всего говорит то, что он неоднократно в своем сочинении использовал стихотворения, как в качестве примеров, так и для объяснения некоторых своих мыслей, очевидно, считая это уместным. Сибя Ёсимаса (1350–1400 года), автор написанного для юношей своего клана произведения «Тикубасё», писал, что воину было бы неприлично оказаться

в компании тех, кто умеет сочинять стихи и самому не уметь это делать, про себя же он писал: «То, что я, подобно другим, начал изучать вака, добившись того, что мое имя попало в поэтический сборник Сингосюивакасаю, и то, что я занялся сочинением поэм, - все это произошло благодаря тому факту, что я соревновался со своими друзьями - сначала из-за амбиции, а затем - стремясь создать себе репутацию» [24, с.295]. Другой военачальник эпохи Муромати Ходзэ Нагаудзи (1432–1519 года) в своем произведении «Двадцать одно правило Ходзэ Суна» выразился еще однозначней: «Тот, кто не изучает поэзию, обкрадывает самого себя, поэтому знать ее необходимо» [28, с.336]. Однако, существовала и противоположная точка зрения, которая основывалась на мнении, что изящные искусства и поэзия вредны для воина и лишь изнеживают его дух. Такой точки зрения придерживался известный военачальник Като Киёмаса (1562 – 1611 года). Като был вассалом Тоётоми Хидэёси и командовал авангардом войск при вторжении в Корею. Помимо смелости Като прославился своим талантом строителя замков, но при этом был категорическим противником поэзии: «Чтение китайской поэзии, поэм и вака запрещается. Ты неизбежно уподобишься женщине, если откроешь свое сердце знаниям о таких элегантных, изысканно-утонченных занятиях. Если ты родился в доме воина, то должен думать о том, как схватить длинный и короткий мечи и умереть» [7, с. 404].

Как мы видим, не существовало единого правила для воина, как относиться к поэзии, т.к. каждый клан и его глава сами решали каким образом им воспитывать самураев, что позволять, а что запрещать.

Осмыслением роли поэзии в воинской культуре занимался и известный просветитель, автор книги «Бусидо. Самурайская этика, душа Японии» Нитобэ Инадзо (1862 – 1933 года). Нитобэ родился в самурайской семье, но его жизнь пришлось на тот период, когда самурайское сословие потеряло свои привилегии, а государство двигалось по пути модернизации по западному образцу. Книга Нитобэ служила целям осмыслить наследие воинской культуры и ее вклада в национальный характер и культуру, а также сохранить понимание важности воинских идеалов для Японии. Поэзию Нитобэ рассматривает как путь обретения воином милосердия и чувства сострадания, т.н. «буси но насаке» - «мягкости воина». Нитобэ указывает на то, что музыка и литературы были призваны смирить пламенный дух, отвлечь мысли от запаха крови и кровопролитных сцен. Так, например, в княжестве Сацума, известном своим воинским воспитанием, молодые люди изучали музыку. Чтобы понять, зачем смирять дух воина в мирное время достаточно вспомнить известного своим буйством и пламенным духом героя Ямато-такэру, убившего своего собственного брата, о котором написано в начале статьи. В наше время мы много слышим о профессиональной деформации человека и о роли воспитания в становлении личности, очевидно, что человек, которого с детства учат убивать и самому умереть достойно, может вырасти довольно жестким, если не сказать жестоким. От такого человека в мирное время может быть много проблем, поэтому при воспитании самурая пытались сохранить баланс или ограничить самурая рамками правильного поведения. Нитобэ пишет: «То, что совершило христианство в Европе, чтобы возбудить сострадание среди ужасов войны, в Японии сделала любовь к музыке и литературе. Воспитание нежных чувств внушает человеку внимание к чужим страданиям. А скромность и услужливость, движимые уважением к чужим чувствам, лежат в основе вежливости» [19, с.38].

Рассмотрев процесс эволюции японской воинской поэзии и её примеры мы можем однозначно сказать, что поэзия для воинской культуры служила одним из инструментов для очеловечивания человека, воспитания в воине чувства сострадания, чувства прекрасного, а также способа осмысления пути воина и всей его жизни. Уже одно это доказывает существование совершенно особой воинской культуры, со своими собственными ответами на экзистенциальные вопросы человечества.

История Японии – это история политического и культурного господства воинского сословия. Известно, что «чем выше становился уровень развитости культуры, тем она сильнее оказывала свое воздействие на динамику социального прогресса в целом. И, наоборот, чем сильнее происходил процесс окультуривания общественной жизни, тем государства и цивилизации успешнее набирали экономическую, военную и технологическую мощь» [29, с.92]. Ко времени близкого знакомства японской нации с западной цивилизацией в 19 в. вся общественная жизнь Японии была окультурена, что предопределило дальнейший быстрый технологический и экономический рост Японии.

Воинская культура Японии была не только источником сюжетов для поэтов, писателей и художников для создания всемирно известных гравюр, драм и романов, но и сама создавала произведения духовной культуры человека. Нематериальное культурное наследие японской

воинской культуры до сих пор остается ценным источником по истории, психологии и культуре японского воинского сословия.

Литература

- 1.Боронина И.А. Поэзия «сокровенной красоты» / Синкокинсю: Японская поэтическая антология XIII века. М.: Корал Клуб, 2000. В 2 т. Т. 1. С.11 – 39.
- 2.Глисон У. Духовные основы айкидо. М.: Эксмо, 2009. 208 с.
- 3.Горбылев А. Синтоистская традиция воинских искусств /Синто – путь японских богов: В 2т. Т.1 Очерки по истории синто. СПб.: Гиперион, 2002. С. 601 – 623.
- 4.Дзисэй: Стихи смерти. М.: АСТ; СПб.: Ост, 2008. 256 с.
- 5.Долин А.А., Попов Г.В. Кэмпо – традиция воинских искусств. М.: Наука. 429 с.
- 6.Ермакова Л.М. Императорские указы как жанр древнеяпонской культуры / Политическая культура древней Японии. М.: Российск. Гос. гуманит. Ун-т, 2005. С. 66 – 80.
- 7.Като К. Правила Като Киёмасы // Кодекс бусидо. М.: Эксмо, 2007. С. 402 – 407.
- 8.Кодзики – Записи о деяниях древности: Свитки 2-й и 3-й. СПб.: ШАР, 1994. 256 с.
- 9.Леви-Стросс К. Обратная сторона луны. М.: Текст, 2013. 157 с.
- 10.Лестев А. Е. Методы психологической подготовки японских воинов // Восточные общества: традиции и современность. Материалы II Съезда молодых востоковедов стран СНГ. Баку, 11-14 ноября 2013 года. – М., Баку: Центр Стратегических Исследований при Президенте Азербайджанской Республики, 2014. – С. 649–667.
- 11.Лестев А.Е. Мифологические основы японских боевых искусств [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2014. №4. С.44–59. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2014/n4/Lestev.shtml> (дата обращения: 02.02.2015)
- 12.Маркова В. Предисловие / Сайгё // Горная хижина. СПб: Кристалл, 1999. -С. 5–46.
- 13.Масока С. Стихи и проза. СПб.: Гиперион, 1999. 192 с.
- 14.Мифы Древней Японии: Кодзики. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 256 с.
- 15.Меньчиков Г.П. Антропологические константы: Ч. II. Основные закономерности изменения сознания человека / Г.П. Меньчиков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. №4-1. С. 21 – 27.
- 16.Меньчиков Г.П. Жизнь как философская категория/Г.П.Меньчиков // Вестник МГУКИ, 2008. -№5. - С. 13–17.
- 17.Меньчиков Г.П. Человек и его базовые экзистенциальные детерминации / Г.П. Меньчиков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2008. №3. С. 131 – 141.
- 18.Нисио С. Айкидо – юрису будо. Принцип ирими иссоку // Пер. с яп. О. Глушко. М.: Издательство «Эннеагон Пресс», 2011. 208 с.
- 19.Нитобэ И. Этика самурая // Японский воин. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. С. 5 – 128.
- 20.Нукария К. Религия самураев. Исследование дзэн-буддийской философии и практики в Китае и Японии. СПб: Наука, 2003. 245 с.
- 21.Савилов Е.Д. Дзэн-буддизм и классическая японская поэзия: взгляд дилетанта на старую
- 1.Boronina I.A. Pojezija «sokrovennoj krasoty» / Sinkokinsju: Japonskaja pojeticheskaja antologija XIII veka. M.: Koral Klab, 2000. V 2 t. T. 1. S.11 – 39.
- 2.Glison U. Duhovnye osnovy ajkido. M.: Jeksmo, 2009. 208 s.
- 3.Gorbylev A. Sintoistskaja tradicija voinskih iskusstv /Sinto – put' japonskih bogov: V 2t. T.1 Oчерki po istorii sinto. SPb.: Giperion, 2002. S. 601 – 623.
- 4.Dziszej: Stihi smerti. M.: AST; SPb.: Ost, 2008. 256 s.
- 5.Dolin A.A., Popov G.V. Kjempo – tradicija voinskih iskusstv. M.: Nauka. 429 s.
- 6.Ermakova L.M. Imperatorskie ukazy kak zhanr drevnejaponskoj kul'tury / Politicheskaja kul'tura drevnej Japonii. M.: Rossijsk. Gos. humanit. Un-t, 2005. S. 66 – 80.
- 7.Kato K. Pravila Kato Kijomasy // Kodeks busido. M.: Jeksmo, 2007. S. 402 – 407.
- 8.Kodziki – Zapisi o dejanijah drevnosti: Svitki 2-j i 3-j. SPb.: ShAR, 1994. 256 s.
- 9.Levi-Stross K. Obratnaja storona luny. M.: Tekst, 2013. 157 s.
- 10.Lestev A. E. Metody psihologicheskoj podgotovki japonskih voinov // Vostochnye obshhestva: tradicii i sovremennost'. Materialy II S#ezda molodyh vostokovedov stran SNG. Baku, 11-14 nojabrja 2013 goda. – M., Baku: Centr Strategicheskikh Issledovanij pri Prezidente Azerbajdzhanskoj Respubliki, 2014. – S. 649–667.
- 11.Lestev A.E. Mifologicheskie osnovy japonskih boevyh iskusstv [Elektronnyj resurs] // Jazyk i tekst. 2014. №4. S.44–59. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2014/n4/Lestev.shtml> (data obrashhenija: 02.02.2015)
- 12.Markova V. Predislovie / Sajgjo // Gornaja hizhina. SPb: Kristall, 1999. -S. 5–46.
- 13.Masoka S. Stihi i proza. SPb.: Giperion, 1999. 192 s.
- 14.Mify Drevnej Japonii: Kodziki. Ekaterinburg: U-Faktorija, 2005. 256 s.
- 15.Men'chikov G.P. Antropologicheskie konstanty: Ch. II. Osnovnye zakonomernosti izmenenija soznaniya cheloveka / G.P. Men'chikov // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2013. №4-1. S. 21 – 27.
- 16.Men'chikov G.P. Zhizn' kak filosofskaja kategorija/G.P.Men'chikov // Vestnik MGUKI, 2008. - №5. -S. 13–17.
- 17.Men'chikov G.P. Chelovek i ego bazovye jekzistencial'nye determinacii / G.P. Men'chikov // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2008. №3. S. 131 – 141.
- 18.Nisio S. Ajkido – jurusu budo. Princip irimi issoku // Per. s jap. O. Glushko. M.: Izdatel'stvo «Jenneagon Press», 2011. 208 s.
- 19.Nitobje I. Jetika samuraja // Japonskij vain. M.: ZAO Centropoligraf, 2009. S. 5 – 128.
- 20.Nukarija K. Religija samuraev. Issledovanie dzjen-buddijskoj filosofii i praktiki v Kitae i Japonii. SPb: Nauka, 2003. 245 s.
- 21.Savilov E.D. Dzen-buddizm i klassicheskaja japonskaja poezija: vzgljad diletanta na staruju problemu. M.: Natalis, 2009. 352 s.
- 22.Sajgjo. Gornaja hizhina. SPb: Kristall, 1999. 416 s.

- проблему. М.: Наталис, 2009. 352 с.
- 22.Сайгё. Горная хижина. СПб: Кристалл, 1999. 416 с.
- 23.Сато Х. Самураи: история и легенды. СПб.: «Евразия», 1999. 416 с.
- 24.Сива Ё. Тикубасё // Кодекс бусидо. М.: Эксмо, 2007. С. 285 – 307.
- 25.Синкокинсю: Японская поэтическая антология XIII века. М.: Корал Клуб, 2000. В 2 т. Т. 1. 280 с.
- 26.Стивенс Д. Меч без-меча. Жизнь мастера боевых искусств Тэссю. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 256 с.
- 27.Фудзиноиссуйси, Масатакэ. Сё:нинки. Записи об истинном ниндзюцу. Х.:НТМТ, 2011. 152 с.
- 28.Ходзё Н. Двадцать одно правило Ходзё Суна // Кодекс бусидо. М.: Эксмо, 2007. С. 330 – 340.
- 29.Юсупов Р.Р. Культура в историко-цивилизационном и национально-региональном контексте / Р.Р. Юсупов // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. №2. С. 92 – 94.
- 30.Ueshiba M. The art of peace: teachings of the founder of Aikido. Boston: Shambala, 1992. -128 p.
- 23.Sato H. Samurai: istorija i legendy. SPb.: «Evracija», 1999. 416 s.
- 24.Siba Jo. Tikubasjo // Kodeks busido. M.: Jeksmo, 2007. S. 285 – 307.
- 25.Sinkokinsju: Japonskaja pojeticheskaja antologija XIII veka. M.: Korал Klab, 2000. V 2 t. T. 1. 280 s.
- 26.Stivens D. Mech bez-mecha. Zhizn' мастера boevyh iskusstv Tjessju. SPb.: EVRAZIJa, 2012. 256 s.
- 27.Fudzinoissujsi, Masatakje. Sjo:ninki. Zapisi ob istinnom nindzjucu. H.:NTMT, 2011. 152 s.
- 28.Hodzjo N. Dvadcat' odno pravilo Hodzjo Suna // Kodeks busido. M.: Jeksmo, 2007. S. 330 – 340.
- 29.Jusupov R.R. Kul'tura v istoriko-civilizacionnom i nacional'no-regional'nom kontekste / R.R. Jusupov // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2012. №2. S. 92 – 94.
- 30.Ueshiba M. The art of peace: teachings of the founder of Aikido. Boston: Shambala, 1992. -128 p.